

мания божественного писания.¹ Нестяжатель Артемий, игумен Троицкий, полагал, что «несть бо уже се еретичество, аще кто от неведения и чем усумнится или слово просто речет, хотя истину навикнути, паче же о догматах и обычаех неких».² Артемий призывает лечить заблуждения и «ребячество» еретика Башкина. «Нестяжатели» требовали учить мирян словом, т. е. обращаясь к Евангелию и Апостолу, а не писать иноческих преданий (уставов). С этим мнением боролся Иосиф Волоцкий в «Отвещании любозаборным» и в «Сказании вкратце о святых отцах, бывших в монастырех, иже в Русей земли сущих».

После седьмого титула Номоканона «О посте и четьредесятнице» в Кормчей Ивана Волка Курицына читается ряд правил, которые отсутствуют в Кормчей Вассиана Патрикеева. Одно из правил (л. 97), 108-е правило Карфагенского собора, гласит: «Свободном изволением кождо воздержание да примет. Толкование. Своєю волею кийждо человек благое да делает, а не понужи. Сего ради никто же не приводится понужди ко воздержанию и к христианству, но своим изволением и свободною волею и хотением». Вряд ли церковь нуждалась в XVI веке в завлечении обратившихся в православие уговорами о свободе выбора. Церковь чаще прибегала к методам принуждения, чем к проповедям. К проповедям обращались еретики. Христианская ортодоксальная литература рассматривает свободу воли (самовластие) как одно из главных качеств человека, данных ему в самый день первоиздания. Самовластие заключается в «вольном произволении хотения к добродетели и к злобе». В Изборнике 1073 года утверждается, что «по образу божию сотворьшу уму его, создан бы человек, рекше самовластен, уньшее ли или горьшее изволение самохотию избирая». Именно самовластие человека в толковании отцов церкви, начиная от Блаженного Августина (IV век), было источником его греховности. Церковь использует теорию самовластия для утверждения зависимости воли человека от божественного промысла. Это означало необходимость довериться во всем посредничеству церкви. Если русские вольнодумцы в конце XV—начале XVI веков выступали с утверждением учения о самовластии человека, это еще не значит, что они вносили новые, еретические мнения в общество. В формуле Федора Курицына «душа самовластна, заграда (т. е. ограда, — Ю. Б.) ей вера»³ нет ничего еретического. Для московских еретиков характерно обращение к учению о самовластии человека в связи с необходимостью разумного постижения, например, грамоты,⁴ «правденного суда»,⁵ истории человечества,⁶ т. е. действительности вообще. Подобный взгляд характерен для гуманистов, обращающихся к человеческому разуму в противоположность мертвой схоластической церковной догме. Как полагает А. И. Клибанов, «еретическое учение о самовластии человека означало, во-первых, господствующее положение человека в природе, во-вторых, неограниченные возможности познавательных сил ума человека, в-третьих, нравственное самоусовершенствование душевных качеств человека, в-четвертых, свободу для человека поступать хорошо или дурно»⁷.

¹ РИБ, IV, стлб. 1384.

² РИБ, IV, стлб. 1437.

³ ГПБ, Кирилло-Белозерск. собр., № 21/1098, «Лаодикийское послание», л. 4.

⁴ «Лаодикийское послание» Федора Курицына и «Написание языком словенским о грамоте» (БЛ, Рук. МДА, № 103, XVI в.).

⁵ «Мерило правденное» и «Повесть о Дракуле».

⁶ «Еллинский летописец» Ивана Черного (БЛ, Музейн. собр., № 597).

⁷ А. И. Клибанов. Учение о самовластии. (Из истории еретических движений конца XV—начала XVI вв.). (Рукопись Института истории АН СССР).